

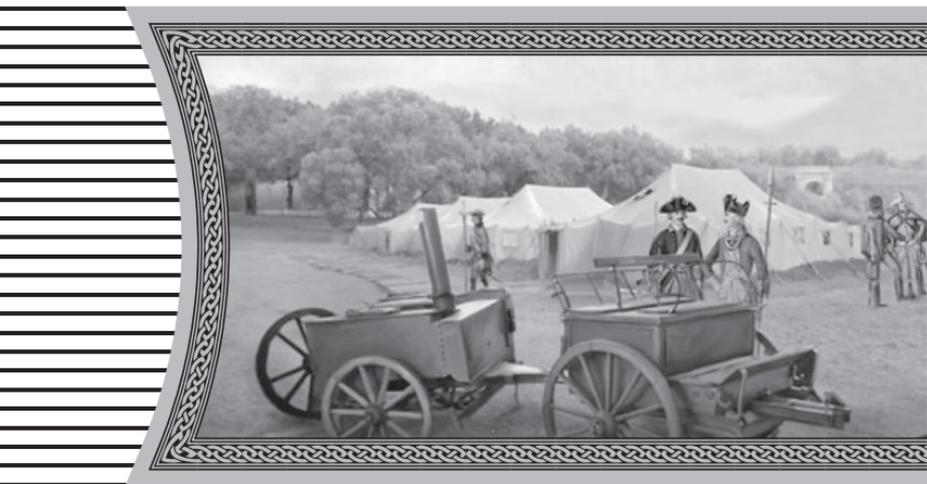
фантастическая
история

Книги Марика Лернера
в серии «Фантастическая История»

МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ
МУСУЛЬМАНСКАЯ РУСЬ. ВОСТОК

СОВСЕМ НЕ ПРОГРЕССОР

ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ВРАТА УЧЕНОСТИ
ЦЕЛЬ НЕИЗВЕСТНА. ПОСТРОИТЬ БУДУЩЕЕ

МОСКВА, 2016

фантастическая
история

Марик Лернер

Цель неизвестна.
Построить будущее

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Л49

Серия основана в 2010 году
Выпуск 111

Лернер М.

Л49 Цель неизвестна. Построить будущее: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016. — 345 с.: ил. — (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-2191-6

Легко ли совершать подвиги? Очень просто, если начальство приказывает, и крайне сложно, когда не позволяют внедрять простейшие вещи. Остается проводить нужные реформы за спинами генералов и ждать наказания. Или ордена, если удача окажется на твоей стороне.

Легко ли быть фаворитом? Только в мечтах. А на деле очень непросто. Любые действия встретят недовольство, а реформы на пользу стране бьют прямо по привилегиям дворянства, лишая его представителей немалых доходов. И надо стать незаменимым, чтоб не отодвинули в сторону интриганы и более удачливые конкуренты.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Марик Лернер, 2016
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2016

ISBN 978-5-9922-2191-6

Часть первая

ВОЕННАЯ КАРЬЕРА

Глава 1

ПРОГРЕССИВНЫЕ НАЧИНАНИЯ

Дорога к новой службе оказалась на удивление легкой и незаметной. Когда транспортное средство под названием «кибитка» остановилось, пихать меня в бок уже не потребовалось. На въезде в Москву бока почуяли разницу в дорожном покрытии. Ямы и ухабы одно, а вот поездка по булыжной мостовой дарит непередаваемые ощущения. Качает, стучит, подбрасывает, ныряет. Когда мчишься на приличной скорости или в мощном тулупе, все это несколько сглаживается, но вот по здешним улицам обычно не поносишься, да и время не зимнее.

Соскочил на землю, потянулся с хрустом и с завыванием зевнул. Как известно, все на свете к лучшему. Мое удаление из дворца в каком-то смысле тоже. Добрых пять лет, если не считать поездки в деревню в медовый месяц, практически не высыпался. Трудился ежедневно шестнадцать — восемнадцать часов, включая и самообразование. Бесконечно увеличивающееся количество деловых предприятий, за которыми важно следить и давать указания. Необходимость неотлучно присутствовать при Малом дворе, и не для проформы, как на остальных мероприятиях, а всегда наготове со справкой по любому поводу. Или хотя бы знать, где таковую добыть.

К этому прилагается необходимость постоянного самоконтроля, чтобы как минимум не выглядеть мужланом по части этикета, последних новинок культуры и не забывать проталкивать собственную программу воспитания царевны умственно и физически. Это подразумевает кроме всего прочего извлечение из памяти всяческих игр, не только вроде «Эрудита» и «Монополии», а еще и подвижных. Причем не умаляющих достоинство.

Бегать наперегонки неприлично, зато прыгать через скалку или перекидываться мячиком и бить по воротам вполне нормально. Другое дело, хорошего за отсутствием резины еще нет и приходится пользоваться подручными средствами. Вот попробовал бы кто-то без специальной подготовки столько лет нечто новое придумывать.

Ну, естественно, общественные заботы, причем в иных отношениях они не менее важны. Академия со всеми ее бесконечными сварами и жалобами, университет с гимназией, газета, Сиротский дом. Временами я спал всего пару часов и посреди ночи подскакивал от очередной мысли о чем-то недоделанном или забытом. И ведь не плюнешь. Все имеет значение и нужно. Вроде втянулся, не особо страдал, но, кажется, усталость накапливалась, не интересуясь моим мнением. Как залез в возок, так и отрубился. Всю дорогу проспал. Зато сейчас чувствую себя бодрым и всецело готовым к новым подвигам.

Внимательно осмотрел здание снаружи и, прогулявшись внутрь двора, заглянул в парочку подсобных помещений. Сунувшийся навстречу сторож, у которого вместо одной ноги была деревяшка, поспешно сорвал шапку и заблажил насчет счастья видеть. Этот еще из прежнего персонала. Да и остальные встречные по большей части почтительно кланялись. Не успели забыть. Незнакомая девка, роняя ведро и едва не облив помоями, испуганно взвизгнула. Нешто такой грозный? Ну, не важно. Главное, не с пустым — к счастью.

В принципе придраться особо не к чему. Хозяйство налаженное, каменный дом тоже без особых огрехов. Павел у меня хозяйственный и деньги зря не тратит. Хотя понимание, что есть лишнее, у нас разное. Это я сообразил вскорости, очутившись в лаборатории, проигнорировав лечебное крыло. В оспопрививании ничего оригинального и сногшибательного не ожидал и давно в эти дела стараюсь не лезть. Доверил, и с глаз долой. Меня больше интересуют его достижения на другом поприще. Любопытно было, до чего Павел додумался без пригляда.

Я ведь не зря заехал. Стетоскоп мелочь, всякому понятен. Про получение сывороток из крови животных для лечения столбняка, дифтерии и даже змеиных укусов надо побеседовать. Общие указания спустил давно, и работы идут. Почему

не взглянуть, заодно подтолкнув лишний раз. Действительно полезно и важно.

На такое я точно не рассчитывал. Три комнаты, парочка добрых молодцев, явно чем-то научным занимающихся с вдумчивыми лицами и вставших при моем появлении по стойке «смирно» — нормально. Лица смутно знакомые, скорее всего из все той же ограбленной на кадры Славяно-греко-латинской академии. А вот то, что все столы лаборатории заставлены стеклянными плоскими тарелочками, так называемыми чашками Петри, достаточно странно.

На добрую сотню рублей, не меньше, стекла, очуметь. То есть они так назывались в моем будущем, а в нынешнем существовании именуются не иначе как чашками Ломоносова — Иванова. И такое название вполне оправдано. Нарисовать сосуд мне не составило труда, приходилось видеть. Изготовить его в стекольной мастерской тоже не особо сложно. Однако реальность обычным образом не тянула на очередную Нобелевскую премию. На практике все идет не так.

Собственно, какая разница, где разводить бациллы? Хоть в стакане. Ан нет. Вода перемешивалась с питательным раствором, непонятны были очаги роста, да и подсчитать количество микроорганизмов тоже безнадежное занятие. Казалось, чашка Петри не зря появилась. И очередной облом. Вода быстро высыхала, а когда ее было достаточно, то перемешивание не исключалось. Я уже хотел плюнуть, когда Павел преуспел своим обычным нудным методом перебора и бесконечных опытов. Хорошо, что господин Иванов существует, я бы точно не выдержал. Требовалось поставить пару сотен экспериментов, чтобы убедиться и так в известном — не выходит.

Именно он добился прорыва, создав питательную среду для микроорганизмов, используя для нее бурые водоросли Белого моря. На самом деле я хотел добыть йод, но совершенно не мог вспомнить, из каких водорослей его извлекают. В результате мы его так и не получили, зато теперь не нужно было рассчитывать количество плавающих в жидкости микроорганизмов. Чтобы определить скорость роста и их количество, достаточно оказалось простой линейки, уж очень микробам понравилась подкормка!

Честное слово, я бы за такие вещи давал премию по медицине на государственном уровне, но пробить подобное сего-

дня еще не под силу. А выдавать из собственного кармана компаньону как бы дико странно. Потому обошелся искренней похвалой и пожеланием дальнейших успехов. Благо к тому времени уже собирался в Петербург и все эти дела меня мало трогали. А здесь и без моего присутствия бурная деятельность на незапланированном направлении продолжалась. На столах присутствовали штативы и пробирки с землей. Судя по надписям, почву собирали повсюду — во дворах, огородах, в лесах и на полях Подмоскovie.

Влетевший в помещение Павел накинулся на меня с объятиями. Не придуривается, искренне рад. Не так много людей в мире ничего от меня не хотят и относятся не потребительски, а дружески. И не в том дело, что помнит меня еще со старых времен. Никогда специально не прокладывал границу, но субординацию он блюдет без напоминаний. Просто я когда-то поверил ему и доверил собственное дело и с тех пор не особо навязываюсь с поучениями. По совести, уже и не очень представляю, что здесь происходит.

Даже насчет доходов особо не пристаю. Задача была поставлена конкретно: польза для народа и самоокупаемость. Все остальное — многопрофильность, изучение инфекций, обязательная связь с практикой — попутно. Фактически на сегодняшний день существует первый в мире научный медицинский институт. И вставляет он современным врачам по полной программе. Они могут ругаться, возмущаться и даже отвергать с негодованием результаты, однако благо оспопрививания, «русского метода длительного хранения», то бишь пастеризации, и статья, напечатанная с моей подачи в «Ведомостях» — «Об отношении бактерий к *Penicillium glaucum*», останутся навечно.

Последнее в каком-то смысле было исключительно с целью застолбить приоритет. Реклама двигатель прогресса. Реально пока пенициллина в привычном виде не существует. И появится ли в ближайшие десятилетия, неизвестно. Выделить действующее начало в чистом виде не удастся. Антибиотик быстро терял свои свойства при любых попытках очистки. Применять полученное для лечения гнойных и хронических язв и ранений можно, но в кратчайшие сроки после изготовления вытяжки плесени. В общем, на современном уровне развития химии и фармакологии полного счастья ожидать слож-

но. В моем мире тоже достаточно долго возились и в промышленных масштабах выпускать принялись лет через двадцать после первых опытов.

— Почему не сообщил? — требовательно спросил Иванов, наконец выпуская меня из объятий. — Я бы встретил.

А что я заявился с ревизией и собираюсь его прессовать, в мудрую голову не приходит. И правильно. Вмешиваться в исследования не собираюсь. И не только по причине отсутствия времени. Еще и на основании отсутствия желания изучать журналы опытов. Не то настроение.

— Не собирался приезжать, честно говорю. Послали.

Павел, не вслушиваясь, принялся горячо излагать свои последние новости. Как всякого нормального целеустремленного человека, его мало волновали чужие трудности, и он мечтал поделиться собственными достижениями.

— В каждом грамме почвы, — вещал он вдохновенно, — содержатся миллионы микроорганизмов. Некоторые из них, специально внесенные, гибнут по неизвестным причинам, другие спокойно живут и размножаются.

Кажется, применение микроскопа в опытах дало неожиданный результат. Стараясь не строить кислую рожу, глубоко-мысленно киваю.

— А значит, и не обязательно один *Penicillium glaucum* положительно влияет, убивая вредные микроорганизмы.

Наверное, есть разные виды плесени с подобными свойствами. Просто мне неизвестны. Пенициллин на слуху, а стрептоцид или что-то вроде него химическим способом производят. Не школьный уровень, гораздо серьезнее.

— Землю приносили в лабораторию, пересыпали в пробирки и каждую пробирку наполняли водой, чтобы получилась земляная кашка. В чашки наливаем питательную среду, содержащую мясной бульон и сахар. Каплю взвеси, содержащую тысячи опасных микробов, помещаем на поверхность застывшей питательной среды, а затем на ту же поверхность наносим немного полученной смеси из пробирки. Засеянные таким образом чашки выдерживали в термостате при определенной температуре.

Павел говорил, одновременно увлекая меня в нужную сторону, держа за плечо железными пальцами. Вцепился не хуже клеща.

— Вот! — сказал торжествуяще, тыча пальцем в ничем, на мой взгляд, не отличающуюся чашку.

— Да! — радостно восклицаю, ничего не понимая. — Изумительно!

— Вот именно! Вокруг некоторых колоний почвенных микробов можно ясно различить «зону пустыни». — Павел снова указал на чашку. — Они ограждают себя, выпуская в окружающую среду какое-то вещество, которое подавляет другие микроорганизмы.

— Тоже плесень?

— Я не уверен. К сожалению, даже микроскоп мало помогает. Трудно различать микробы. Разве когда они размножились в огромном количестве.

— Окраску препарата пробовал?

— Нет подходящих веществ.

Естественно. В мое время использовали анилиновые, но единственное мне про них известное — это химия, а не натуральные красители. В данном веке несбыточная мечта. Не раньше девятнадцатого появятся. Хотя с Павла станется. Еще пара тысяч опытов, и сумеет опровергнуть мои представления.

— Либодохнут, либо без пользы. — Он огорченно вздохнул. — Я продолжаю искать.

Значит, как с пенициллином. Выделить основную составляющую вряд ли удастся. Внутривенно не выйдет. И все равно в качестве мази тоже недурно. Во всяком случае, первый отечественный оригинальный антибиотик он добыл.

— Пока проведены испытания. Помогает для лечения гнойных ран, ожогов, язв, фурункулов, воспалительных заболеваний уха и горла.

— Это ведь ты обнаружил, значит, имеешь право назвать. Геноцид подойдет прекрасно, — мысленно хмыкая, советую. Мой юмор все равно не дойдет, а откуда взялось насквозь прозрачно. Caedo на латыни — «убивать». Отсюда и всякие «пестициды».

— Подходяще, — подумав, соглашается. — У вас всегда было замечательное чувство слова.

От другого бы принял за лесть. А сейчас почти стыдно. Пошутил, оказывается. В очередной раз без задней мысли ткнули носом, насколько мои знания ничтожны и взяты из чужого времени. Фактически украдены. Мои успехи по большей части

результат везения, чем усидчивости и последовательности. Павел в данном смысле прямая противоположность.

Выслушал еще множество слов по поводу перспективности и изумительного мира микроорганизмов, причем прозвучало и новое для меня разделение на одноклеточные и многоклеточные существа. Похоже, господин Иванов не зря сидит над микроскопом. Уже выделяет разные группы, отличает патологические от полезных. Натуральный профессионал стал, и мне здесь вмешиваться бессмысленно. Сам с усами. И замечательно. Проживет и в дальнейшем без Ломоносова с подсказками, если зарываться не станет в финансовом плане.

Еще четверть часа слушал без особого интереса токование тетерева, ничего не замечающего вокруг. Затем дождался представления помощников, пожал им руки, тоскуя и размышляя, не совершил ли ошибку, заехав повидаться. Ну нет у меня настроения возвращаться в ранг начальства. Хотелось выпить, вкусно поесть, спокойно выспаться и ехать дальше. Всего-навсего. А не изучать журналы опытов с сывороткой от бешенства. Да-да. Я в курсе, что сам заставлял этим заниматься раньше, но не с проверкой прибыл.

Наверное, это продолжалось бы еще долго, но слух о моем появлении уже пошел по окрестностям. Появилась жена Павла. На свадьбе я не присутствовал и сейчас видел ее впервые. Миленькая особа приятных форм, когда пухлость не переходит в толщину, и с приятными ямочками на щеках. Судя по дальнейшему, недаром из купеческого рода. Ручки имеет крепкие, всех держит в кулаке и резво управляется с хозяйством. Для погруженного в высокие раздумья Павла замечательный вариант. Правда, я так и не понял, как он умудрился жениться, уж очень все скоропалительно произошло, и подозреваю, что выбирал отнюдь не мужчину, но тут не мое дело.

Лаборанты при виде ее заметно побледнели, муж моментально заткнулся, прерванный бесцеремонно на половине фразы, и я был приглашен посетить дом со всей возможной вежливостью. Как и при моей химической лаборатории, здесь имелась с самого начала специальная пристройка для проживания начальства. Сам же и прислал проект, когда зашла речь о строительстве отдельного здания. Зачем мучиться и выдумывать, когда существует типовая и смета известна. Не дворец, конечно, но собирался изначально сам в таком проживать и

ничего зазорного в том не вижу. Два этажа, несколько комнат, включая детскую и салон, куда нам подали обед.

Кормили здесь душевно. Не зря подвалил. На первое щи с кашей, затем студень, заливная рыба, жаркое, пироги (несладкие), кулебяка и на закуску сладкие пироги. Естественно, под легкую выпивку, причем с моего личного производства. Тут не ошибешься. Молодая девка, таскающая на стол блюда, специально приволокла из погреба водочку с этикеткой «Ломоносовская» и показала вроде невзначай.

Дворянам позволительно курить вино лишь для собственного употребления, но они нелегально продавали его. По моим прикидкам каждое второе ведро в продаже левый товар. А я чем хуже? Дополнительный заработок для элитных клиентов. Тут главное не нагнать особо. В обычный кабаk не поставляю. Дизайн ярлычка вышел из моих рук. Никаких особых изысков — завод, хозяин и год. Зато не спутаешь. Я это дело сознательно поставил на поток. На любом изделии моего производства должно стоять два клейма. Одно — стилизованные МЛ, как бренд в целом, и второе — завода.

Здесьняя мадам не токмо хозяйственная, еще и запасливая. Специально на такой случай прикупила и в погребе держала. Удовольствие не из дешевых. Тоже своего рода ледь, однако тонкая и приятная. В моих глазах она ощутимо выросла, тем более и разговор умело поддерживала за столом, не давая Павлу вновь свалиться в глубины мира микроорганизмов. После пятой рюмки (не стакана — воспитанные люди) настроение улучшилось, и я поделился последними сплетнями столицы.

В свою очередь выслушал сагу о гигантском колоколе, изготавливаемом по заказу нашей всемиростивейшей государыни Анны Иоанновны. Целый год тщательно отобранный литейщик с огромным опытом по части колоколов Иван Моторин (забавная фамилия, где они видели моторы) составлял проект будущего дива. Я, честное слово, не очень понимаю, в чем проблема, когда, помимо веса и внешнего оформления, разницы никакой, но ему лучше знать, с какой скоростью трудиться.

Еще три года понадобилось чиновникам на утверждение проекта. Это уже вообще ни в какие ворота не лезет. Наверное, сплошь художники и литейщики собрались и выбирали модный дизайн. А скорее, как обычно, денег не было на заказ. Наконец уладив все формальности, прямо в Кремле, между Чудо-

вым монастырем и колокольной Ивана Великого, вырыли яму десятиметровой глубины, укрепили стены досками и кирпичом, а внутрь поместили «болвана» из глины. То есть гигантскую форму для отлива. Тут же рабочие соорудили литейные печи. На четвертый год приготовлений началась переплавка обломков старых колоколов на сырье, но уже на второй день работ произошла серьезная авария — печи вышли из строя, и металл разлился просто на землю.

В этом месте рассказа меня пробило, и с длительным запозданием дошло — речь идет о Царь-колоколе. О том самом, в который ни разу не ударили и который до моего времени простоял в Кремле с отломанным куском, рядом с Царь-пушкой, ни разу не выстрелившей. Вечная российская гигантомания не к добру. Как чего удумают суперских размеров, так пользы никакой. Металл, зарплата, строительство тех же печей — все это бессмысленно пропавшие деньги. Только и остается туристам впаривать про величину.

Между тем рассказ продолжался, в голосе женщины звучала гордость за московские достижения пополам со смущением. Несчастья продолжались с удивительной последовательностью. Достаточно быстро запасные печи взорвались, и все подготовленные конструкции сгорели. А там и сам Иван то ли от огорчения, то ли с перепугу помер. На его место поставили сына и потребовали результат. В ноябре ожидалась отливка великого колокола. Нет. Великого. С огромной буквы.

Смутно помню, что, уже готовый, но не поднятый, он угодил в пожар и, поливаемый водой, раскололся. Кусочек там лежал нехилый, но дело-то не в том. Предупредить? И каким образом? Дату пожара я знаю примерно, в промежутке от трех месяцев до двух лет. В пророки, выходит, не гожусь, да и опасно. Неизвестно, как на подобного рода предсказание посмотрят власти и церковь. Зря болтать заранее смысла не имеет. Недалеко и до обвинений в поджоге. А откуда еще мог узнать? Высовываться не следует. Пусть лопается, от меня не убудет.

— Нет, — говорю вслух, — я больше не редактор «Ведомостей» и не стал бы делиться такой историей. Уж больно она, — щелкнул пальцами, пытаясь найти подходящее слово, — сомнительна. То не так, это не слава богу. Вот когда поднимут на колокольную и ударят на весь город — тогда другое дело. А пока еще не изготовили, и говорить нечего. Но! — восклицаю. —

Новости из Москвы это же замечательно! Когда происходит нечто действительно интересное. Особенно про развитие и науку. — И посмотрел многозначительно. — Мое мнение в газете еще кое-что значит, обязательно опишу, чтобы на ваши сообщения обратили внимание.

Она улыбнулась, показывая приятные ямочки на щеках. Кажется, мы друг друга замечательно поняли. Вербовка очередного корреспондента состоялась. Без денег, и притом уж про достижения собственного мужа не забудет упомянуть. А это и мне попутно плюс. Институт с именем Ломоносова прочно связан.

— А в других отношениях помочь сумеете?

— Это в каких, позвольте узнать?

— Мой дядя давно пытался найти состав для пропитки, который придавал бы тканям свойства кожи.

Семейство ее имело отношение к производству сукна и собственную мануфактуру. Не очень большую. Ну, Павлу и к лучшему. Стали бы миллионщики или дворяне за него дочку выдавать иначе. А так вроде на одном уровне, и человек достаточно известный. Еще и связи в столице имеет. Меня в смысле.

— И такой состав он сделал. — Многозначительная пауза.

Брезент, что ли, изобрел? Полезно, только абсолютно не ко времени заниматься.

— Михаилу Васильевичу сейчас не до твоих родственников, — пробурчал Павел, очень созвучно моим мыслям. Впрочем, тут скорее некие подводные камни общения с тестем и тещей.

— Для военного ведомства такая ткань очень подходящая, — не дождавшись вопроса от меня, говорит госпожа Иванова.

Похоже, женщина целеустремленная и своего не упустит.

— Непроницаемая для воды, но способная дышать, пропускающая воздух.

— Безусловно, может пригодиться, и не только там, — говорю примирительно. — Промасленная ткань?

Ее еще викинги использовали, большая новость.

— Нет. Совсем иначе.

— Чем пропитывает? — настаиваю. Без точных пропорций все равно перебирать варианты долго и муторно. Проще в долю взять.

— Эмульсия из яичного желтка, канифоли и парафина, — отвечает после легкого колебания.

Ага! Не зря разговор завела. Где еще взять в серьезном количестве парафин, как не с моего производства.

— В принципе вопрос решаемый, только цена... Боюсь, обойдется недешево.

Судя по молчанию, так и есть. Канифоль не беда, она при перегонке смолы на скипидар получается. Или попутно? Не важно, главное, бросовый материал, практически не нужный никому. А вот яйца могут влететь в копеечку. Любопытно, нельзя ли выделить нужную составляющую и поискать в другом месте. Это уже к химикам. Обязательно указать.

И все же лиха беда начало. Сколько разного пытался сделать и частенько именно из-за отсутствия рентабельности недогннувшей рукой оставлял на будущее. Почему не попробовать?

— Обещать ничего не могу, — говорю с полной серьезностью. — Для начала образцы ткани требуется проверить в моей лаборатории у господина Костина. Письмо, естественно, дам, чтобы встретили как подобает. Если все как вы говорите, — легкий поклон, подчеркивая, мол, не в обиду, а по совести, — точные расчеты, сколько чего требуется и во что обойдется. Включая реальное производство, а не пару аршин.

— Благодарю вас.

Похоже, нормально прошло. Деловые резоны вполне принимаются. Тем более мои здешние суконные фабрики должны быть ей прекрасно знакомы. Одна среда. Некоторые подробности приобретения и обязательный бизнес-план с прайсом, а также результаты аудита до покупки не могли пройти мимо внимания. Как и аукционы среди поставщиков. За такими вещами я пристально слежу, и кое-что перенимают и остальные.

— Ну что вы! Всегда рад помочь в полезном деле. Мне ведь и самому удачно выходит, парафин-то по-любому потребуется в больших количествах, и выгода выйдет.

Мы с ней слегка посмеялись. Положительно, приятная мадам и умеет себя вести, хоть из мешан.

Оказалось, умнее даже больше, чем ожидал. Ночью ко мне в гости пришла та самая девка, подававшая на стол. Видать, хозяйка очень хорошо заметила мои взгляды, когда девушка вертелась у стола.

Хороша! Молодая, лет семнадцати, еще не расплывшаяся, как со многими бывает после родов, с чистым личиком и за-

метными округлостями. Организм с гормонами взял свое, и упрямитесь, когда она полезла под одеяло, я не стал. Траур закончился давно, а ведь я с тех пор ни разу. Не то чтобы совсем не хотелось, но второй женитьбы мне не надо, а по гулящим девкам откровенно боюсь бегать, чтобы не наградили дурной болезнью.

Оказалась уже не девушкой, но без особого опыта, зато послушная и темпераментная. Самое забавное, что она упорно продолжала именовать меня по имени-отчеству в любой позе, называя все остальное словами из солдатского лексикона. Ночь прошла замечательно, и я не пожалел утречком награды, вручив сразу несколько рублей на приданое. Жизнь продолжается, даже если не по намеченной прежде дороге, и нечего рыдать. Надо брать от нее все возможное и приятное.

Глава 2 ПРИГЛАШЕНИЕ ПОВОЕВАТЬ

— Это что такое? — Обалдев от наглости, подсовываю под нос купчине руку с вынутым из мешка.

— Мука, — даже не пытаясь делать удивленный вид, чинно отвечает.

— Вот эта гниль, по-твоему, называется мукой, кою потреблять станут русские солдаты? На! — размазывая по морде и норовя запихнуть в рот, восклицаю: — Жри, подлец!

Работенку мне подыскали замечательную. Знал бы кто, непременно отомстил при случае. Хотя есть минимальный шанс, что таким образом подчеркнули уважение. Якобы пост в высшей степени ответственный. Да не верится. Конечно, голодный солдат — натуральный бандит с оружием, и не более того. А уж об исполнении им своих прямых обязанностей и речи не идет. Проблема только одна, зато крупнейшая — война началась, а армия к ней не подготовилась. И дело не в последней не пришитой по новому образцу пуговице, кою не начистили до блеска. Нет денег, рекрутов, лошадей, амуниции, извозчиков, конской сбруи, артиллерийских припасов, телег и прочего необходимого.

Это уж не вспоминая про обычный набор — воровство и бесхозяйственность. Нередко и имеющееся в дурном состоя-

нии, или, как вынужденно пишу в бесконечных докладных, «крыша на складе худа», в результате выдать в полки никак нельзя. Развалится прямо в руках. И сделать помимо этих самых бессмысленных отписок и резолюций ничего не удастся.

Местные власти обязаны представлять ежемесячные отчеты о наличии, приходе и расходе провианта, фуража и денег. И там все замечательно. По бумагам. А на месте вот такие стервецы даже не второсортную муку, а реальную гниль подсовывают. Не заглянешь в мешок, так и уйдет в войска красиво оформленное и за подписью. А отвечать кому?

— Выпороть, — говорю злобно, нешто еще не усвоили, с кем дело имеют. — Прямо у ворот. Чтобы все видели.

— Сколько? — деловито спрашивает унтер.

— Для начала полста розог.

Солдатики с очень довольными лицами поволокли сопротивляющегося и вопящего нечто про беззаконие наружу. Извини, дорогой, с паршивыми поставщиками у меня разговор соответственный. Всю зиму на юг неторопливо прибывали пополнения для маршевых батальонов. Всех требовалось обустроить, накормить и вооружить. К счастью, весна, и они скоро уйдут. Пока что я метался от Дона до Москвы, пытаюсь навести порядок.

В каком-то отношении это оказалось еще хуже прежней деятельности. Там я решал свои проблемы самостоятельно и редко надеялся на доброту чужого дяди. В смысле государственного чиновника любого ранга. Здесь значительно хуже. На любые просьбы и жалобы следовала стандартная отписка об отсутствии денег и возможностей. Причем я верю — правда. Но мне-то что делать? За свой счет приобретать? Спасибо большое. У казны бабок не хватает, так я ее должен заменить. Мой личный бюджет такого не потянет, как бы я ни пытался.

— Жаловаться буду! — вскричал наказуемый, размазывая слезы по грязной широкой морде, когда отчет и соответственно экзекуция прекратились. — До самой государыни дойду!

Вот же скотина, недоволен. В прошлый раз откровенно протухшее мясо приказал сварить и скормить купцам. Еле потом откачали. И уж клизмы с промыванием желудка они запомнят на всю жизнь.

— Еще столько же выдать, — приказываю.

Бедолагу снова заваливают на лавку под вой и одобрительные комментарии уже изрядной толпы. Похоже, недолюбливают в городе купчика. А уж разговоров надолго жителям хватит. Позорище натуральное.

Писать челобитные с перечислением недостатков я тоже умею. На каждый чих отправляется бумага жуткая. В Военную коллегия, Миниху, Бирону, даже в «Ведомости». Прикрыться на будущее и свалить любую вину на соседа — самая увлекательная в мире игра. Еще и копии себе оставляю, и «синодик» на особо зарвавшихся храню.

— А буде рот откроет вторично с угрозами, кнут употребим.

— Можно я нагайкой? — страстно вопрошает Гена, откровенно подыгрывая. Ему веселье, мне очередные проблемы. У него со свинчаткой вплетенной, при желании искалечить и убить запросто способен.

Жаловались на меня. Еще как! Неоднократно и содержательно. В самые разные инстанции. Наверняка где-то пухнет очередное дело, и с поступлением команды «фас» примутся рвать и допрашивать. Ничего не поделаешь. Планида у служащих государству такая. То есть предначертанное движение жизни, от которого нельзя увернуться.

Как себя ни веди — результат один. Не станешь прессовать гражданских — военные пожалуются. Примешься излишне докучать поставщикам, привлекут своих покровителей. Не те, так эти. Так лучше за правду пострадать, четко выполняя инструкции и обязанности. А что иногда самому приходится действовать не по правилам, так куда денешься. Уговорами здесь не поможешь. Вора и мошенника можно заставить бояться, но нельзя отучить тащить чужое и обманывать.

В свое время я веселился, когда Татишев в письме поведал, как ему на Урале тамошние раскольники поднесли тысячу рублей в качестве взятки. Просто так. Ни за что. Лишь бы не смотрел зверем. И когда брат не захотел, очень испугались. Честные чиновники проходят по божественному чину и в природе не существуют. А в реальности не берущий на лапу исключительно опасен. Выходит, с тайным приказом прибыл. Не принимает деньги — нечто ужасное задумали на самом вер-ху. Пора вешаться. Оказывается, зря смеялся. Несут, не требуется и намека. Положено.

Так что я тоже брал. Не деньгами, а борзыми щенками. То есть на самом деле полевыми кухнями, продуктами и лекарствами для госпиталей и лазаретов и прочей мелочью. К примеру, артиллерию в трех полках за чужой счет почти справил. Зарядные ящики, лафеты, даже лошадей приобретали с постными лицами армейские поставщики в подарок. Типа спонсоры добровольные. Причем приходилось все равно проверять качество и цены, подсказывая, где брать и в каком количестве. На новые не хватало, и пришлось по большей части обойтись ремонтом старых.

Тем не менее польза для армии вышла изрядная. Военное руководство почему-то на месте сделать не сумело, а я добился улучшения снабжения по многим показателям. Но ведь прицепиться всегда можно! Те же полевые кухни производились на моем заводе и могли при желании рассматриваться в качестве взятки. И хоть я не брал в руки ни копейки, а доход шел в карман. Между прочим — высшая категория деловара по папашинной квалификации. Работать красиво, чтобы и польза для общества, и тебе выгода. Украсть каждый может, а вот так надо суметь. Создать добровольный фонд поддержки, то есть те же взятки, но без всякой ответственности (сами несут, не заставляю), и за его счет приобретать необходимое на личном производстве.

Самое любопытное — это ответ, прилетевший на слезные челобитные по поводу моих грубых методов воспитания материально ответственных лиц и интендантов. Миних своей властью назначил меня за тщательную ревизию провиантских и фуражных магазинов на пост генерал-аудитор-лейтенанта Военной коллегии. И мне представляется, не за особые заслуги, а по старому знакомству. Все же моими военными разработками остался всерьез доволен.

Это отнюдь не генеральская должность, как кажется по названию. Скорее прокурорская. Могу отныне привлекать для разбора обер-аудиторов, рассматривать дела и утверждать приговоры военных судов, вплоть до разжалования в солдаты. Снабжение русской армии продовольствием осуществлялось Главной провиантской канцелярией, подчиненной Военной коллегии. То есть прав мне добавили. Теперь могу и армейских офицеров приструнить, чем с удовольствием и пользуюсь.

Короче, карьера на мази. Еще бы не подсказывал посреди ночи, вспомнив об очередном неисполненном указании и забытом обстоятельстве. Господибожемой, не дергался так раньше. Пора пить валерьянку. И ведь я не старый и нервами никогда не страдал. Одно слово — труды на пользу Отечества.

— Что здесь происходит? — требовательно спросил начальственный голос.

К собравшимся на интересное зрелище прибавились новые лица. Форма армейская. Что крайне неудобно в здешних мундирах, так даже не их бесконечная разница в цветах, а отсутствие ясных и хорошо видимых признаков обремененности властью. Ни тебе погон, ни каски со звездами. Офицерский шарф на поясе, и вся радость. Еще разной ширины поля шляпы, в зависимости от чина, с золотым галуном. Проще всего орать погромче — глядишь, напугаются.

Тем не менее с первого взгляда сукно одежды заметно дороже и не смотрится как на здешних вояках. В знакомых мне полках можно встретить мундиры любого оттенка, вовсе не правильного. У кого выцвели, кто сам красит и чинит. Зрелище, в отличие от гвардейских подразделений, душераздирающее. Эти были не в новых, да дорогих. Непростые люди. Впереди уже пожилой человек с подозрительно нерусской физиономией и полная грудь побрякушек. На генерала по возрасту и наградам тянет.

— Премьер-майор Ломоносов, — говорю с подобающим разнице в положении поклоном. — Сей отнюдь не господин, а пес поганый пытался подсунуть провиантской комиссии отходы вместо высшего сорта муки по документам. Вынужден учить честности.

— Проще сразу повесить, — внятно сказал кто-то из толпы. — Таких не исправить.

— Генерал-фельдмаршал Ласси...

Ого! Упустил, когда очередное звание за заслуги в польской кампании вручили. Не иначе тоже на юг следует. По слухам, очень приличный офицер.

— А вы тот самый Ломоносов, — с жутким акцентом спрашивает, — создавший на спор подрывной фитиль и кухню-самовар?

Приятно, что не про стихи спрашивает. Все же военный человек и свои приоритеты имеет. Да и вряд ли он особо любит

поэзию на русском или споры о правильном написании рифм. Иностранец все-таки. Кажись, из Шотландии. Католик, наверное.

— Так точно.

Он кивнул, сделал маловразумительный жест, развернулся и двинулся в неизвестном направлении, оставив меня в недоумении. Впрочем, его тут же рассеял один из сопровождающих генерала. Подскочив, прошипел, что необходимо следовать за Ласси. Петр Петрович желает побеседовать приватно. Почему нельзя было прямо сказать — уж не в курсе. Такое нынче воспитание у вышестоящих. Окружающие должны сами догадываться, когда во фрунт становиться, а когда бежать на цирлах сзади.

— Вижу, помимо ученых занятий еще и отменную распорядительность выказываешь, — сказал устало фельдмаршал, выслушав доклад о недостатках и методах исправления. — За столь малый срок многого добился. А теперь, — после паузы, резко, — изволь рассказать, в чем видишь недостатки армии.

Можно было, конечно, изобразить непонятливость и опять талдычить об отсутствии денег и амуниции. Просто оба мы прекрасно знали: не о том речь. Сомнительно, что от моих откровений нечто всерьез изменится. Более того, практически уверен, все это генерал-фельдмаршал знает по личному опыту и куда лучше паршивого майора, полгода обретающегося в основном вокруг продовольственных складов. И все же почему не высказаться. Ничего не теряю. Главное, не поднимать вопрос политики. Один раз погорел, второго не требуется. А очень хочется выругаться и выложить наболевшее.

Война до сих пор не объявлена официально, и это понятно, раньше весны выступить на Крым не сможем. Зато экспедиция против татар корпуса генерала Леонтьева, торопливо и недостаточно подготовленная, предпринятая в неудобное осеннее время, закончилась неудачей. Наши войска, потеряв до девяти тысяч человек главным образом в результате массовых заболеваний и падежа лошадей, не дойдя до Перекопа, вернулись на свои базы. В результате мы лишь подбодрили врага, и крымский хан Каплан-Гирей, отправленный турецким султаном для захвата прикаспийских земель, уступленных Россией Персии, возвращается с тридцатитысячной ордой. Зачем было торопиться?

— Даже на беглый взгляд, — говорю, стараясь фильтровать излишне резкие выражения, — некомплект в полевой армии составляет не менее одной десятой части солдат. Располагаясь на зимние квартиры, офицеры больше думали о собственных удобствах и совсем не вспоминали, что зимнее время необходимо использовать для обучения вверенных полков, рот и взводов. В Воронежском полку при перестроениях конфузия сплошная. Большая часть офицеров и унтер-офицеров мест своих не знают. Ни одной команды исправно исполнить не смогли на смотре. Думаю, так не только здесь. Хуже всего две вещи...

Он поощряюще кивнул, когда я запнулся. Как говорится, не слишком ли разбежался? Поучать генералов о правильном ведении боевых действий, ни разу не участвовав в них.

— Первое: чрезмерное отягощение армии обозами, — решившись, продолжаю. Наверняка меня за такие высказывания весь офицерский состав возненавидит, но чего уж. — За командирами следуют на марше по одной, по две, а то и по три повозки со своим штатом obsługi и с необходимыми вещами для комфорта, со своим провиантом из родительских деревенек. Это крайне мешает совершать быстрые маневры и перегруппировку сил в случае надобности. Чем больше обоз, тем ниже скорость передвижения армии, тем надо больше запасов, нужен больше обоз, и так до полной невозможности.

— Пятипереходная стандартная система здесь не поможет, — обрывает меня Ласси.

Естественно. Суть системы в том, что войска таскают с собой и на себе продовольствия и фуража на десять дней, а обозы курсируют между армией и магазином: пять дней туда, пять дней обратно. Так вот, пять переходов — это не больше ста верст. А идти до Крыма много дальше, причем тащить на себе все, включая дрова для костров и воду. И с входом на чужую территорию проблемы не заканчиваются. Еще добрая сотня верст безводной степи, и самое интересное только начиналось. Местным татарам вторжение очень не понравится, и они примутся засыпать колодцы и жечь траву.

И это далеко не новость. В пути до Перекопа все те же три колодца, что и при Голицыне и Софье. То есть по-умному нужно сначала заложить крепость, затем натаскать туда припасов на целую кампанию. И только как готово будет — по-

сылать армию. Точнее говоря, не один укрепленный пункт. Потому что при возведении остроги тоже должны на чем-то базироваться, а та крепость, в свою очередь, тоже. Мне представляется целая серия укрепленных застав на дороге в местах с водой. Уверен, там в будущем вырастут города. Заодно рассекают степь.

В том случае, если один из них падет под атакой кочевников, ничего особенного в краткосрочной перспективе не произойдет. Подтянут войска и снова заткнут дырку. А вот помеха кочевьям и набегам серьезная. Собственно, из этих же соображений они ставились и раньше, и позже в Поволжье и Сибири. Но самое смешное — идея не оригинальна. Прямо сейчас возводится российскими властями Украинская линия укреплений между Днестром и Северским Донцом. Все это произойдет, только медленно и неспешно. В том числе, правильно, из-за отсутствия денежных средств.

— Любая кампания в Крыму с точки зрения поддержания коммуникаций и бесперебойного снабжения войск, — отвечаю решительно, — окажется крайне сложной. Не обеспечив тыл, нельзя широко продвинуться и закрепиться.

Хотя по последнему условию я вовсе не уверен в поставленной задаче. Тут скорее желание подорвать материальную и демографическую базу для набегов. По мне, излишне затратный и долгий путь. Так просто не вырезать. Разбегутся.

— И здесь вступает в действие мое второе предложение.

— А именно?

— Разбить большое каре на несколько малых, — отвечаю, сознавая, что сейчас покушаюсь на священную корову европейской тактики.

Непрерывность боевого порядка важнейшая вещь. Войска строились в огромный четырехугольник, прикрываемый рогатками для обороны и малопригодный для наступления. Да и в обороне достаточно было атакующему проломить одну сторону каре, как рушился весь строй.

— Каре от батальона до полка, имеющие свои пушки, прикрываемые на флангах своей кавалерией, поддерживающие друг друга огнем. Управляемость легче, облегчается маневр, ускоряется марш. А если паче чаяния вражеская кавалерия ворвется в порядки, так с нескольких сторон от полковых стрел-

ков будет уничтожаться. В конце концов, еще древние римляне вводили манипулярный строй!

— Ну-ну, — пробурчал Ласси неопределенно.

Хорошо еще в радикализме обвинять не стал. Пока такие выражения не в моде. Вот под конец столетия грянет Французская революция, тогда и появятся оригинальные слова. Или уже не случится на почве моих выходов? Да ну, какое отношение имеет оспопрививание в России и появление сейфов к недовольству революционными реформами широких масс в Нормандии? Крови аристократов на гильотинах быть непременно.

Феодальные пережитки так просто не отмирают. И жаль, что у нас все это затянется чуть не до двадцатого века. Ей-богу, чем раньше выплеснется, тем лучше. Франция пережила свою революцию, как и Англия, в отличие от России. И по результату они стали лидерами в Европе, да и в мире. Правда, это еще не означает, что надо толкать к свержению царизма. Моя задача — постараться сделать по возможности процесс отмирания прошлых привилегий и развития промышленности управляемым и облегченным. Лучше сверху, чем снизу.

— Про рогатки забыть. Для их перевозки и обслуживания требуется огромное количество подвод и человеческих ресурсов. Это сковывает. Вполне достаточно огневой силы и штыка. Чем быстрее совершится переход, тем меньше потребуется продуктов и фуража, — уже без особого энтузиазма повторяю. — Армия в шестьдесят тысяч человек...

Генерал посмотрел на меня странным взглядом. Хорош я был бы, не сумей высчитать приблизительную численность при наличии кучи проходящих через руки хозяйственных документов. Мне не требуется подслушивать сводки в штабе. И это в основном строевые. Там еще треть пес знает кого, и вся эта братия собирается жрать и пить. Одних телег под тридцать тысяч!

— ...располагая шестьюстами повозками для муки, шестьюстами повозками для хлеба, вместе с трехдневным носимым запасом везет всего восемнадцатидневный запас продовольствия. Зато из тридцати тысяч положенных по штату лошадей добрая треть тянет обозные телеги. И дополнительные офицерские создают сверхплановую нагрузку. Ведь коней необходимо кормить. А это добрых десять тысяч пудов овса в сутки.

Рано или поздно начнется падеж животных от бескормицы и отсутствия воды. Бесплезная трата ресурсов. Надо действовать молниеносно, используя казаков и калмыков в качестве прикрытия и отгоняя огнем татарскую конницу. Напасть внезапно, не дожидаясь, пока подготовятся и спалят всю степь перед армией, заодно отравив источники воды.

— Будем считать, я услышал, — сказал генерал-фельдмаршал после длительной паузы. — Снабжение армии в походе вещь чрезвычайно важная. И судя по моим впечатлениям, вам удалось многое совершить на данном поприще. Сумели наладить бесперебойные поставки продовольствия в хорошем темпе, впечатляющими методами, хе-хе.

Это типа шутка прозвучала. Сразу и не дошло, что смех изобразил. Или это он так оригинально веселится?

— Те же полевые кухни позволяют экономить и обеспечить горячим питанием, что в иных случаях действительно очень полезно. Посему предложение: пойдете ко мне в адъютанты? Энергичные, добросовестные и распорядительные на дорогах не часто попадают. Заодно и приказы напишете, опыт писательства имеется.

Это подколка такая? Хотя откуда ему знать. До сих пор глупые ошибки леплю с ятями и ерами. Читать проще. Глаз выхватывает слово, а не буквы.

— Правильнее было бы в квартирмейстеры, но должность генеральская, и Дебрины в этом качестве меня устраивает.

А вот теперь я натурально растерялся. Никак не ожидал такого. Когда-то офицер на этой должности занимался расположением войск лагерем или по квартирам, но те времена ушли, хоть название осталось. Сейчас это штабная должность с немалыми возможностями. Он составляет ведомости о чинах для раздачи жалованья и распределяет его по полкам, в его ведении также находилась вся амуниция для офицеров, унтер-офицеров и рядовых. Фактически тот же снабженец, но ранг много выше настоящего.

И все же в адъютанты попасть, пусть и без всякого военного опыта, большая пруха. Удача как девушка. Чем больше за ней бегаешь, тем меньше ты ей нужен. Я не напрашивался, само пришло. И отталкивать опасно. Второй раз не предложат. Так и просижу в глубоком тылу, сражаясь с ворами. Наверное, очень полезно, но для карьеры и будущего абсолютно непро-

дуктивно. Альтернативный вариант гораздо лучше, чем полное отсутствие такового. Отказываться глупо.

К тому же, не будучи ответственным за боевые действия, буду находиться на глазах у командующего и неминуемо ужогу в очередное сообщение о победе. Естественно, если она случится. Ну тут уж по-любому от Михаила Ломоносова ничего не зависит.

— Почту за честь, — говорю вслух, решившись. — Токмо ведь просто так уйти не имею права, а пока просьбу о переводе утвердят в Петербурге...

— Какой Петербург? — откровенно удивляется Ласси. — Я еду принимать корпус для действий у Азова.

Армия, назначенная для действий в Крыму, сосредоточивалась в лагере на реке Белозерке, в ста восьмидесяти верстах от Перекопа. Нам, стало быть, путь на Дон. Время уходит, весна — скоро начнется жара, а мы еще не собрались воевать. Неужели ближе никого в приличном звании не нашлось?

— Вы отправляетесь со мной, — как о решенном, ставит в известность. — В такой безделице главнокомандующий не откажет. Уж кого беру в штаб — мое дело и ответственность.

— Благодарю за доверие! — вытягиваюсь по стойке «смирно».

— Ну-ну, — отмахивается Петр Петрович. — И кстати, почему вы не пишете больше стихи?

Похоже, без этого никак. Серьезная часть закончена, теперь начинается культурная программа. Показывает, что и он не лыком шит. Все-таки с петровских времен в России живет. Даже по-нашему говорить научился, пусть и с отчетливым акцентом.

— Занят постоянно, — с каменной мордой отвечаю. — Ни дня без...

— Порки, — хмыкает. — Известное дело, любого интенданта после года службы можно без всяких сомнений вешать за воровство. Вы же не думаете, что в магазине не подозревали, или это первый случай?

— Я собирался заняться и приемщиком некачественного товара всерьез. После экзекуции отправить в холодную, пугануть как следует, и все бы выложил паршивец. Не он первый.

— Поручите это кому-нибудь из обер-аудиторов.

— Слушаюсь! — чеканю, сознавая, что очередное дело о коррупции снова спустят на тормозах.

Стоит ослабить пристальное внимание — и все пойдет обычным порядком. Заплатит кому надо стервец и останется на свободе. Еще и меня обвинит в превышении власти и покушении на честь и достоинство. Откуда у таких людей они могут появиться? Честное слово, я сам не прочь лишний раз в карман положить, и неоднократно это делал. И все же совесть надо иметь.

Есть определенные границы, и подсовывать картонные подметки или гнилое сукно — себя не уважать. Тем более в армию. Они люди подневольные и за тебя воюют, а ты пользуешься. Репутация создается огромным трудом, а рушится мгновенно. Не поленюсь и вроде как со стороны вытащу всю историю в газеты. Пусть вся Россия знает имя Дормидонта Крашеникова из Воронежа и что с ним дело иметь нельзя — жулик.

— О, оставьте эту официальщину. Лучше вернемся к поэзии. Ну вот это: «Вставай, страна огромная, вставай на смертный бой. С чужинской силой темною, с проклятою ордой». Очень недурно вышло. Это же ваше?

Господибожемой, ему откуда это знать? Я же не так давно чисто для знакомых исполнил. Неужели с такой скоростью распоздается? Никакого телеграфа не требуется. Барабанами передают.

— Да. — Даже музыку попытался изобразить. К сожалению, в нотах ни бум-бум, просто мотив напел. Реально хватающая за душу мелодия. Во что она превратится в здешнем исполнении и, видимо, совсем на других инструментах, неизвестно. — Сегодня актуально звучит. Советую отправить в «Ведомости», — пристально глядя мне в лицо, сказал генерал-фельдмаршал.

Ну да. В России только на Камчатке чукчи еще не в курсе, кто новую газету делал и что меня не продинамят. Любое отправленное по старой памяти письмо или статью напечатают. Патриотические стихи без малейших сомнений. Интересно, как долго мои кадры сохраняют почтительность и уважение. «С глаз долой — из сердца вон» не на пустом месте родилось.

— Государыне может понравиться: «За свет и мир мы боремся, они за царство тьмы».

Опаньки! А ведь не просто так мне делают предложение. Такая занятная многоходовочка. Господин Ломоносов приближенный к верхам и пусть попал в опалу, но в шадящем режиме. Ни громкого процесса, ни конфискаций, даже в Сибирь не запаляли. А это означает что? Правильно! В любой момент фортуна может измениться, и он снова выскочит на манер пробки наверх. Хорошие отношения с таким непотопляемым человеком пригодятся. А нет — так ничего не теряет.

Причем, откровенно говоря, нам обоим ситуация на пользу. Конечно, гарантий никто дать не может, однако Петр Петрович Ласси берет под свое покровительство с дальним расчетом. Когда-нибудь придет и мой час поспешествовать. Собственно, нормальная ситуация. Все состоят в чьей-то команде и свою подбирают по мере ума. Кто из лизоблюдов, а кто и из умных людей, не стесняющихся в глаза правду высказать.

— Ну что? — настороженно спросил Гена, когда я вышел.

— Поедем под Азов воевать, — без особой радости поведал.

— Это надолго, — глубокомысленно ответил мой странный родич. — А Насте срок рожать подошел, — это он про жену.

— Так съезди в Петербург, проведай.

— Еще чего удумал. Отпустить одного на войну? Ты же беспомощный, как теленок. Одно слово — мужик. До сих пор шпагой пользоваться нормально не умеешь. Прикончат случайно, что я всем скажу?

Глава 3 ПЕРВАЯ СТЫЧКА

Еще раз прочитал черновик будущего приказа, мысленно радуясь возможности писать карандашом, не используя чернила. Непременно все бы заляпал, да и неудобно верхом калякать. Это мне типа экзамен устроил Ласси, доверив самостоятельно трудиться. Вот и приходится стараться.

«В марше обозу идти по нижеследующему порядку: 1) дивизионным командирам по их рангам; 2) бригадным командирам; 3) полковым штабам; 4) обер-офицерам; 5) артельным; 6) лазаретам; 7) маркитантам; 8) провиантским. Наблюдать, чтобы всегда по порядку в бригадах и полках своих шли и один

другого не опережал, а особенно на плотинах и мостах, через что большее помешательство и медленность делаются.

И таких своевольных, несмотря на то, чьи бы люди ни были, наказывать палками или батогами, не исключая и военных чинов от рядового до извозчика, а выше тех, хотя бы и офицер случился, взяв за караул, представлять ко мне, дабы сему по степени и штраф чувствительной сделан был.

Повозки, которые бы в марше поломались, немедленно с дороги сносить, чтобы тем других не останавливать, и их немедленно чинить, а ежели опасность от неприятеля есть, то, на них наложенное разложив по другим повозкам, бросить».

Надо потом втихую с Геной посоветоваться. Наверняка чего-то упустил. Конечно, еще добавить насчет запрета отлучения во время движения и уж тем более мародерства. Но это общие положения. Или все-таки лишний раз не помешает?

— Турки, турки! — недовольно вскричал рядом Александр Загряжский, продолжая разговор о качествах разных солдат и преимуществах той или иной системы обучения.

Странно, но идея тренировок штыкового боя была встречена с недоумением. Ничего такого до сих пор не существует нигде. Я как бы в курсе, затем и говорил. По капле пытаюсь вливать в мозги. И начал отнюдь не с генералов. Их не переубедить, как с рогатками и построениями. Миних разве открытым текстом не послал за умствования, представленные в виде доклада. Шаблоны в мозгах от возраста. И сделать ничего нельзя. Кто я такой реально, чтобы учить боевых офицеров и тем более просвещенных европейцев.

Моему знакомому по Петербургу Александру, тому самому, с польскими рукописями, не исполнилось и двадцати, но впереди ожидали недурственные перспективы. Назначенный к собственному отцу генерал-лейтенанту Артемию Григорьевичу Загряжскому адъютантом, он успел побывать в Польше и при осаде Данцига. Даже какую-то награду отхватил. Думаю, будь у меня папа большой начальник, тоже бы орден за боевые заслуги урвал. Сейчас подобных вещей никто не стесняется. Родственные связи дело святое, и по крайней мере не в столичном салоне в карты играет, рассуждая о необходимости героически сражаться с врагами.

— Чем они так ужасны? Их персы бьют, а мы не так давно тех персов колотили.

— Надир-шах удачливый полководец и сумел многое сделать для своей страны, — лениво отвечаю, наблюдая, как суетятся люди, разбивая лагерь.

Мне в этом смысле раздолье. Вещей, помимо самых необходимых, нет. Не то чтобы большой аскет, но обхожусь реально одним денщиком в виде Гены. За лошадьми он ухаживает, палатку ставим совместно, питаемся с той же полевой кухни, первыми снимая пробу. Я вроде как ее начальник и ответственный. На три десятка людей она натуральное излишество, но Ласси то ли испытания проводит, то ли действительно решил использовать по полной программе. Всучил под начало, но реально я только за расходом продуктов слежу. Все остальное делает парочка из повара и возчика. Тем и хорош самовар-переросток, что особого ума не требует, а при большом объеме экономия выходит. И по дровам, и по запасам. Всегда удобнее варить в одном общем котле, чем на нескольких кострах, и с водой проще. Кипяченая имеется. Пить из здешних грязных речушек вряд ли особо полезно.

— Народ тоже изменился? — смотрит хитро. — Вчера воевать не умел, сегодня научился?

— Откуда мне знать? Может, действительно никчемных повыгоняли.

Суннитов, судя по всему, резали массово. В этом смысле ничего за столетия не изменилось. Разве вместо «тойот» с пулеметами рассекают по тамошним горам на лошадях и ослах.

— А может, сам Надир велик и умеет правильно ставить войска в сражении. Напасть внезапно с удачной позиции — половина победы.

Это я не из пальца высосал. Прошлым летом под Карсом семидесятитысячная армия Надира разбила восьмидесятитысячное турецкое войско. Персы укрепились на вершине горы. Абдулла-паша Кеprüлю, не подозревая о близости противника, вышел к позиции и попал под обстрел вражеской артиллерии. Турки превосходили армию Надира по численности, но находились в теснине и не имели возможности развернуться и должным образом отвечать на огонь персидских пушек.

Капитан Полозов, находящийся при союзных персах в качестве наблюдателя, не поленился и отправил подробный отчет не токмо по своему ведомству в Военную коллегию, но еще и сообщение в «Ведомости». Подобные письма из первых рук

становятся не просто модными, еще и замечательным дополнением от свидетелей. Я практически не правил стиль, напечатан целиком в отдельном разделе.

Надир, несмотря на упорное сопротивление турок, перешел в наступление по всему фронту и, разгромив османскую армию, захватил всю ее артиллерию (до тридцати двух орудий и много пороха), а также обоз, после чего турки стали отступать. Османские войска потеряли около пятнадцати тысяч человек убитыми и несколько сотен пленными. После этого соперников на Кавказе персы не имели. В июле 1735 года Алипаша сдал Гянджу, в августе турецкий гарнизон оставил Тифлис, в октябре открыл ворота победителям Ереван.

Для нас происходящее на Кавказе огромный и жирный плюс. Мало того что восемьдесят тысяч турок не заявятся воевать с Россией, так османам еще придется прикрывать собственные границы от обнаглевших персидских шиитов. Они ведь не успокоятся. Не то воспитание. Коли есть возможность, будут хватать плохо лежащее, пока не подавятся. Наверное, не так уж не правы были, посчитав стравливание наших соседей невысокой ценой за не приносящие доходы провинции, оккупированные Петром.

— Черт! — вскочил Загрязский, с недоумением глядя. — Откуда они взялись. Где караул?

С диким криком из оврага выскочила свора всадников. На первый взгляд много, очень много. И направлялись они во весь мах в нашу сторону явно не с целью вручить подарки. Много ли времени требуется, чтобы проскочить сотню метров на скорости? Считанные мгновения. Вот уже они почти рядом, и солдат у повозок, судорожно заталкивающий пулю в ствол, свалился зарубленный. Первые уже перемахивали через препятствия, влетая в расположение. В нашу сторону неслось сразу трое абреков. Или джигитов. Без разницы. Главное, рожи откровенно бандитские, и машут клинками.

— Мой правый! — грянул за спиной крик. Когда Гена возник, я не заметил. Чутье у бывшего казака на неприятности. Затем ударил выстрел прямо возле уха. Я наполовину оглох, зато перестал стоять столбом.

Всадника в драных одежках, крутящего на ходу шашку, буквально вынесло из седла. Зато второй подлетел, скалясь изумительно белыми зубами на смуглом грязном лице. Совсем

молодой, однако явно прыткий. Я так крутить восьмерки саблей и завывать не умею. Очень-очень обидно.

Он замахнулся, готовый ударить. Не соображая, чисто автоматически я поднял неизвестно откуда взявшийся в руке пистолет и выпалил в его сторону. С двух метров промахнуться мудрено, но я почти сумел. Верткий гад оказался и извернулся, словив пулю в плечо, а не грудь, куда я норовил попасть. Впрочем, к моему счастью, рана, видимо, была не слишком приятной. Он не стал гоняться за мной, а развернул коня, уходя в сторону.

Последний оказался самым противным. Ему противостояли четверо, включая подключившегося денщика Загрязского, однако достать мы его всей толпой не могли. Он крутился, умело управляя конем, который и сам не прочь был лягнуть, укусить и вообще проявлял склочный характер. Один на один всадник без особого труда уделает пехотинца, но четверо все же многовато. Сначала животину огрели по заду прикладом, так что она подскочила, жалобно заржав, и не преминула врезать копытом обидчику, уложив поручика. Затем Гена достал татарина, ткнув его в бедро. Стоит задеть кровеносную жилу, и быстро загнешься, даже не заметив причины в горячке драки.

Налетчик, видимо, понял, что для одного даже трое многовато, и, в очередной раз замахнувшись, вместо удара пнул жеребца. Удалялся он с неменьшей скоростью, чем приближался, и гнаться на своих двоих за ним было совершенно бесполезно. Фактически все это продолжалось три-четыре минуты, но показалось вечностью. Когда, пыхтя и потев, пытаешься пырнуть острой железкой узкоглазого типа, отнюдь не настроенного тебе в столь правильном занятии помогать, а ответно секущим воздух острой саблей, течение времени чувствуется иначе.

Мы всей командой не стовариваясь рванули в сторону повозок. Там продолжалась свалка, часть нашего отряда засела в окружении телег и энергично отбивалась от налетчиков. Наверняка требовалось подкрепление. Да и странно было бы устроиться отдыхать в разгар общей драки. Избавятся от остальных, за нас примутся. Конечно, такими категориями никто не думал и речи не произносил. Сработал стадный инстинкт. Быстрее к своим. Ударить в спину чужим.

Торопиться вряд ли стоило, сначала имело смысл зарядить пистолеты, но я мало что соображал в те секунды. Просто несся со шпагой в руке, рыча нечто невразумительное. Даже не ругался, слова сбивают дыхание. И дело не в сорванной крыше, как случилось раньше. Пощады от врага ожидать не имеет смысла, так не прятаться же!

Очередной тип, в красных шароварах и черкеске, у нас на глазах приколовший длинным копьём офицера, перехватил поудобнее свое оружие и атаковал нас с диким воплем. На одно ухо я слышал по-прежнему плохо, но тут не пропустишь. Чего они так кричат, раздражает.

Всадник налетел ураганом, прямо на Геннадия, неподвижно стоящего на дороге, не имеющего ничего помимо своей сабли. В последний момент тот метнулся влево, пропуская и, что-то сделав, сбивая наконечник в сторону. Все произошло так быстро, я и разобрать никаких подробностей не успел. Зато очень хорошо заметил, как разбойник завалился вперед и рухнул нам под ноги, зацепившись носком сапога за стремя.

Лошадь испуганно рванула подальше от злых русских, волоча за собой тело, и моя попытка добавить пропала без смысла. Зато торжествующую ухмылку на физиономии Геннадия ни с чем не спутаешь. Достал все-таки, отправив разбойника на встречу с гуриями. В два прыжка он догнал поверженного и ухватил скакуна за узду, останавливая. Трофейщик чертов, подумал я без особого осуждения.

Рядом затрещали выстрелы, и налетчики, дружно плюнув на продолжение грабежа, стали уходить, перестав обращать внимание на разбросанное вокруг добро и раненых с убитыми. Теперь я ясно видел — их хорошо если десятка полтора. Считая убитых, раза в два меньше нашего отряда. И ведь чуть не разделали. Внезапность!

С чего это они удирают? Беглый взгляд вокруг принес заметное облегчение. Не так далеко обнаружилось всадники, но эти, похоже, были не из их компании, хотя не менее цветасто одеты. Как выяснилось достаточно скоро — казаки.

До единой формы здесь еще не додумались и напяливают на себя кто во что горазд. Потому на расстоянии особо не разберешь, какого рода-племени, но раз гонятся за нашими врагами, стало быть, свои. Дон не так далеко, выходит, террито-

рию прикрывают. Часа на два раньше появились бы, может, и не тронули бы нас.

Не пройдя и трех шагов, обнаружил своего мертвого повара, двух убитых офицеров, очередного татарина с пулевой дыркой в районе челюсти, отчего сохранилось хорошо если полголовы. Отвратное зрелище. Имелся и привалившийся к телеге бледный от потери крови солдат с разрубленным плечом. Присел осматривая. Достаточно быстро понял: не только с моими знаниями не поможешь. Ему и грудь посекали, причем, судя по малоприятным всхлипам и шевелению в ране, как бы легкое не задето. В наших условиях безнадежен. Да он уже и не видит ничего. Глаза смотрят куда-то в запредельное, нос заострился.

— Пропустите, — сказал сердитый голос, и меня почти отпихнули.

— Отходит, — объясняю уже спине. — Ему уже не поможешь.

— Тогда следуйте за мной, — потребовал Павел Захарович Кондоиди, поднимаясь и направляясь широким шагом к очередному раненому.

Что мне нравится в данном человеке, так это отсутствие фанаберии и притом наличие собственного достоинства. Перед начальством не стелется и в отличие от девяноста девяти процентов остальных врачей не пытается меня поставить на место, козыряя дипломом медицинского факультета Лейпцигского университета. Дядя его по происхождению грек, неведомыми путями угодивший в вологодские епископы, дал родственнику не только образование и достаточно широкий взгляд на мир. Кондоиди говорил и писал на греческом, латинском, русском, итальянском, французском и немецком языках, знал также английский и голландский. Короче, переплюнул всех моих знакомых и меня соответственно по этой части с далеким запасом.

— Почему с эфиром не рекомендуете делать операции? — спросил у меня доктор, уверенной рукой вкатывая очередному пострадавшему укол морфия.

Армейские врачи быстро оценили пользу моего препарата и обучились орудовать шприцем и стерилизатором. Они сколько угодно могут не уважать выскочку Ломоносова, но чудо-результат многие видели и на себе проверили. Теперь офицеры требуют, а не просят укола. И я, паршивый шанта-

жист, очень скоро стану крайне востребованным для производства новых порций. Запасы не бесконечны, и никто не продолжит в части отправлять снова и снова. Ни по низкой цене, ни вообще по какой. Честное слово, не имел на то расчета, просто не подумал. Теперь вот мучайся, разрешить Санхецу залезть в мой сейф за описанием процесса или лишний раз доказать незаменимость господина Ломоносова.

А вопрос не зря всплыл, Кондоиди тоже о том размышляет. Чем не замена морфию эфир? Вырубает ничуть не хуже и способ создания не тайна. Не зря зашебуршились врачи. Труд Санхеца, напечатанный в приложении к «Ведомостям», многих впечатлил, даже ссылку на мои заслуги простили. Он все такой же чересчур честный. В данном случае их не существует. Все организовал сам португалец. Я просто предложил очередной поворот в хирургии, отталкиваясь от смутно известного. Эфир, хлороформ. Хорошо, первое уже изобрели, пусть оно не особо распространено и называется именно этим словом. Удача, и не больше.

— Прежде чем допустить кого-либо к проведению «эфирования», важно получить опыт возле уже поднаторевшего врача. К сожалению, были случаи проблемные, и чаще всего у сердечников.

Это я так мягко про трех покойников. Правда, из сотни с лишком проведенных Санхецом и под его наблюдением операций. Хвала всем богам, ставили эксперименты на бедняках, а не стали сразу резать любого обратившегося. Помри какой граф, и неприятности были бы обеспечены по полной программе.

— Вопрос о действии эфира, безусловно, решен положительно, и дальнейшее распространение не остановить. Но все это только после сбора определенной статистики. Доза, при каких заболеваниях противопоказано, сколько времени человек находится под влиянием наркоза и позволительно ли затягивать. Да что там, — говорю с досадой, — само вещество нестойкое, и использовать позволительно очень краткий срок после вскрытия закупоренного сосуда. Кто желает сэкономить, употребив остатки через какое-то время, может получить пренеприятнейший сюрприз. Пациент за такое спасибо не скажет. Без хорошо обученных помощников и специалистов не обойтись. Местная анестезия по моему методу пре-

красно подходит для четверти-трети случаев. Она экономит время и помогает обслужить большее количество пострадавших. А тяжелые ранения...

Какой смысл объяснять и так известное. Большинство умирает. В нашей ситуации лучше вообще не пытаться им помочь. Пока возишься с безнадежным, у остальных ухудшение и потеря крови.

Доктор уверенными стежками зашил глубокий разрез на боку раненого. Устало поднялся и перешел к следующему. Не первый сегодня пациент. Кондоиди успел побывать на лекарской должности во время Польского похода и состоял еще недавно при армии Миниха. Самое приятное для меня, что практически самостоятельно озаботился состоянием гигиены и снабжения войск, а также, основываясь на моих рекомендациях, издал инструкцию по части лечения и профилактики оспы и ввел в подчиненных ему госпиталях историю болезни в обязательном порядке, с упором на заполнение на русском языке. То есть привел в порядок наши общины с Санхецом рекомендации, дополнив и улучшив многие положения.

Может, из-за возраста и не закосневшего сознания, а может, по причине отсутствия профессионального гонора он и меня принял нормально. С легкой долей настороженности, зато без желания смотреть свысока. И идею создания первого в России передвижного госпиталя со всем необходимым принял на «ура». Наверное, потом крупно пожалел. Инициатива в армии наказуема. Подставился — получай. Миних выправил разрешение баловаться экспериментами вволю, однако в корпусе Ласси и без малейшей финансовой помощи. Как хотите, так и выкручивайтесь.

С одной стороны — повышение, назначен генерал-штаб-доктором Донской армии, с другой — все придется начинать сначала и налаживать на пустом месте. В общем, как на это посмотреть: то ли повышение, то ли тонкий намек, чтобы не лез в будущем без приглашения. Вроде обиды не держит.

— Попробуем, — пробурчал доктор, шупая под богатую ругань бледного поручика Загряжского. Когда он сюда добрался, я и не заметил. — Да перестаньте, — поморщился Кондоиди. — Считайте, легко отделались...

Офицер под его пальцами взвыл от боли.

— ...Три ребра сломано. К счастью, внутренних повреждений, похоже, нет. Тугая повязка, и через пару месяцев будет в лучшем виде.

— Так долго? — изумился Загряжский.

Очень ему охота в первые ряды, за подвигами. Я бы только радовался случаю отдохнуть.

— Не только операции, — сказал мне доктор, пропуская недовольное восклицание офицера мимо ушей, — но и во многих случаях наложение гипсовых повязок должно производиться при наличии анестезирующих средств.

Он, конечно, прав, но еще несколько лет назад ничего этого не имелось в принципе. Ни морфия с обезболиванием, ни эфира для той же цели, и уж совершенно точно — гипсовых бинтов. Уж в этом отношении я науку и медицину всерьез двинул вперед.

— Внутривенное эфирование еще в стадии разработки и крайне опасно. Собаки умирали при введении в бедренную артерию.

— Эй, — озабоченно осведомился Загряжский, — а мне чего всадили?

— Пока все в стадии проверки, и вдыхать — наиболее удачное решение. Но это не позволяет максимально точно рассчитать потребную дозу.

— Вы слышите меня?

— Помолчите, — потребовал нетерпеливо Кондоиди.

— Как это молчать? Я пока помирать не рвусь.

— Никто больше призрения не заслуживает, как болящий солдат, о покое и выгодах которых обязаны все чины вообще иметь радение, — охотно провозглашаю. — Штаб-медику важно не только часто, но и ежедневно оных посещать. А тем болящим и раненым положено помалкивать, что бы с ними ни творили.

— Издеваетесь! Я тебе припомню, Михаил! — крикнул Загряжский уже в спину.

— Наша профессия...

Это он и меня к ней причислил или такое обобщение про врачей?

— ...требует постоянно искать все, чтобы восстановлению служить могло, без упущения времени делано, а вред, происходящий заблаговременно, предупрежден был.

— Если знание есть, то им надо либо пользоваться, либо передавать другим, — отвечаю честно. — Поступать иначе, значит, обесценивать его и пойти против божеских заповедей. Но существуют очень многие доктора, не утруждающие себя изучением ясных и простых инструкций. Уж не знаю, из каких соображений они считают свои идеи правильнее чужих, пренебрегая проверкой. Образование не всегда добавляет ума в голову.

На нас вынесло генерал-фельдмаршала Ласси, знакомящегося с последствиями нападения. Он выслушал подобающий доклад и отчетливо скривился. Добрая половина нашего отряда погибла или не способна в ближайшее время сражаться.

— Кто отвечал за караул?

— Капитан Фарен, — доложил один из свитских.

— И где он?

— Убит.

— Очень жаль, — желчно провозгласил Петр Петрович. — Я бы его повесил за случившееся. Проморгать у себя под носом противника! А, Ломоносов, — сказал внезапно, будто до того в упор меня не замечал, — это же вы хотели уменьшить количество повозок.

Я промолчал, суждение явно риторического толка.

— А ведь если бы не кинулись грабить, — он обвел широким жестом валяющиеся в грязи вещи, — мы бы все погибли. — И хрипло засмеялся, поддержанный неуверенными смешками стоящих рядом офицеров. — Но если бы ехали быстрее, могли и не встретить! Десять тысяч рублей имущества пропало! — вскричал тоном обиженного ребенка.

Между прочим, генерал-фельдмаршал получает восемь с лишним тысяч рублей в год жалованья. Министры не могут таким размером выплат похвастаться. Хотя, конечно, в высшей степени обидно. Я бы тоже злился.

— И ведь что наделали скоты. — Он пнул валяющуюся под ногами расшитую подушку. — Не столько унесли, сколько испортили добро.

Я так и не понял, какие выводы сделаны. По мне, обычный случай, и хорошо, что так закончилось. Дикое поле рядом, война. Нечего шляться с таким мелким подразделением генералам.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. ВОЕННАЯ КАРЬЕРА	5
Часть вторая. ЦАРИЦЫН ЛЮБИМЧИК	176